

Филарет, Митрополит Московский*

Протоиерей Георгий Флоровский

*Боюсь на земле радости, которая
думает, что ей нечего бояться...*

Современников смущал суровый облик митр. Филарета. Точно было в нем что-то холодное и тяжелое. Казалось, нельзя не чтить Московского владыку; но трудно и даже невозможно его любить. И было сказано о Филарете недоброе слово: “У этого человека горячая голова и холодное сердце”...

В таком отзыве — обманная полуправда. То правда, что был горячим и горящим зоркий ум Филарета. И пылкая бессонная дума положила свою строгую и резкую печать на его сухом лице. Но то напраслина и прямая неправда, будто холодно было филаретово сердце. Чуткое и впечатлительное, горело и оно. И горело в жуткой и неизбывной тревоге. В этой тревоге — разгадка мнимой суровости филаретовой. Это — строгость от скорби... Эту скорбь, эту потаенную боль только от близорукого наблюдателя могут заслонить видимые удачи и оказания чести.

Время Филарета было трудным и тесным. Это — время великого творческого подъема и время страшных духовных обрывов. В эти годы “дело Петра совершилось,” и, по меткому выражению Герцена, “ошеломленная Россия приходила в себя.” В эти годы многое открывалось в пробудившемся русском сознании, — открывалось и радостное, и жуткое. И тогда, как говорил впоследствии Достоевский, — “чуть не впервые начинается наше томительное сознание и наше томительное недоумение, вследствие этого сознания, при взгляде кругом”... В этом смысл тех “замечательных десятилетий,” тридцатых и сороковых годов.

По-разному можно определять и оценивать смысл петровского переворота. Одно останется бесспорным: это был властный акт секуляризации, акт государственного обмирщения. Потому и был он воспринят и пережит именно как переворот. С петровских времен начинается великий русский раскол, — раскол тем более опасный и острый, что замолчанный и прикрытый. Раскол и разрыв не столько между правительством и народом, сколько между властью и Церковью. Государство снимает с себя долг внутреннего оцерковления, утверждает свою суверенную самодостаточность. И в то же время требует от Церкви освящения и свидетельства о себе как о власти христианской. В этом была великая и роковая двусмысленность. Объявляя православную веру господствующим исповеданием и признавая ее одним из устоев существующего строя, государство тем самым притязает объять собою и Церковь, включить и ее в состав государственного правопорядка. Облекая каноны силою и санкциями государственного закона, мирская власть стремится как бы заслонить собою божественный и сверхгосударственный источник церковных полномочий. В этом весь пафос по Пуфендорфу писанного Духовного Регламента¹. В этом весь смысл учреждения Духовной Коллегии²,

* Впервые: Путь (Париж). 1928. № 12. Август. С. 3-31. Печатается по первому изданию.

¹ Пуфендорф (Pufendorf) Самуэль (1632-1694) — известный немецкий юрист, сторонник учения о естественном праве. Духовный Регламент — законодательный акт Петра I (1721) о реформе церковного управления; согласно Духовному регламенту Церковь подчинялась государству, вместо патриаршества учреждался Синод.

² Духовная коллегия, или Священный Правительствующий Синод, был создан Петром I в феврале 1721 г. в качестве одного из центральных государственных учреждений для управления делами Русской Право-

которую, как говорил Митрополит Филарет, “у протестантов перенял Петр, но которую Провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод”... Только в николаевское время этот замысел низвести поместную Церковь на степень “синодального департамента” получает прямое и откровенное выражение, — в лапидарных формулах Основных Законов, в Своде 1832 года³. “Император яко христианский государь есть *верховный* защитник и *хранитель догматов* господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния.” В сем смысле Император в акте о наследии престола (1797, апр. 5) именуется *Главою Церкви*. В управлении церковном *Самодержавная власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода*⁴, *ею учрежденного* (ст. 42 и 43). Эти формулы выкованы и отчеканены, по видимому, самим Сперанским. И в них четко и верно передано государственное самоощущение и самоопределение: в них договорена до конца мысль Петра, считавшего себя “крайним судьей” Духовной Коллегии и открыто возводившего ее полномочия к своей самодержавной власти, — “когда под державным Монархом и от Монарха уставлена”...

Эти государственные притязания были и оставались односторонним изъявлением мирской власти. Никогда не были они признаны и скреплены церковным согласием и волей. Церковь видела в них “посещение Божие,” и отвечала на них внутренним соборанием, уходила во “внутреннюю пустыню.” “Церковь страдала и в прежние времена, страдает и теперь,” — писал в 1842 г. Филарет (Гумилевский), впоследствии архиепископ Черниговский. “Церковь в прежние времена, страдая, оставляла до времени тяготеть несправедливым волям, коль скоро они еще не нарушали основных правил Церкви. То же и теперь делает она. Как прежде, так и ныне, при случаях она дает чувствовать, что только по любви к кресту снисходит слабостям человеческим”... При молчаливом и страдальческом противлении Церкви осуществлялось в жизни притягаемое “государственное верховенство,” не сразу и с перебоями. Только с началом XIX века синодальная обер-прокуратура из органа государственного наблюдения и надзора при “синодальной команде” превращается в орган власти. Синодальное управление слагается в “ведомство греко-российского исповедания,” — “под главным начальством обер-прокурора.” И государственная власть не ограничивается областью церковного управления. Она вмешивается и во внутреннюю церковную жизнь, стремится и ее подчинить своим началам. Эти начала менялись. В эпоху Священного Союза это была идея “внутреннего христианства”⁵. В николаевские времена это было “истинное древнее вероучение”⁶, определяемое мирскими силами по случайным образцам. Но

славной Церкви.

³ *Основные Законы Российской империи* — свод законоположений, касавшихся общих начал государственного строя России, впервые кодифицированы под руководством М. М. Сперанского в 1832 г. Были пересмотрены только в 1906 г. в связи с опубликованием Манифеста 17 октября 1905 г.

⁴ *Синод* (от греч. *σύνωδος* — собрание) (Святейший синод) — один из высших государственных органов в России в 1721-1917 гг.; ведал делами Православной Церкви (толкование религиозных догматов, соблюдение обрядов, вопросы духовной цензуры и просвещения, борьба с еретиками и раскольниками). Возглавлял Синод *обер-прокурор*, назначаемый императором.

⁵ “*Внутреннее христианство*” — так Флоровский характеризует увлечение сектантской и еретической мистикой во второе десятилетие XIX в., связанное с учреждением в России Библейского общества (ставившего целью перевод и распространение Библии) и активным общением деятелей этого общества с их английскими коллегами (см.: *Флоровский Г. Пути русского богословия*. С. 147-153).

⁶ *Поиски “истинного древнего вероучения”*. — имеется в виду период нового увлечения сектантством и навеянным с Запада “пиетизмом”, период “религиозно-моралистического возбуждения” 60-70-х гг., апофеозом которого Флоровский считает проповедь Льва Толстого (см.: *Флоровский Г. Пути русского богословия*. С. 401-409).

смысл государственных притязаний всегда оставался одним и тем же. Это было государственное наступление и осада Церкви.

И на митрополита Филарета упала тень николаевского времени. Сам он совсем не был человеком этой суровой эпохи. Николаевские люди считали его чужим для себя и опасным. Недаром долгие годы был он под подозрением и даже под прямым надзором. Митрополит Филарет слишком внятно и твердо напоминал о церковной независимости и свободе, напоминал о пределах государства. И в этом резко и непримиримо расходился со своей эпохой, со всем государственным самоопределением новой, петербургской России. Филарет был очень молчалив и сдержан в слове. Напряженным и мужественным молчанием он едва покрывал и смирал свое беспокойство о происшедшем. Сквозь суету и смуту событий он видел и угадывал грозящие знамения надлежащего и праведного прещения Божия. Наступили лукавые и судные дни — “кажется, уже и мы живем в предместьях Вавилона, если не в нем самом,” — опасался он... “Прискорбна душа моя, — признавался Филарет однажды. — Мне кажется, что суд, начинающийся от дома Божия, более и более открывается... Как густо идет дым из бездны и как высоко поднимается”... И только в покаянии видел он исход, во всеобщем покаянии “за многие, особенно за последние годы”...

У Филарета была своя государственная теория, теория священного царства. И в ней не было и не могло быть места для начал государственного верховенства. Именно потому, что сущие власти от Бога учинены суть, и государи властвуют милостью Божией, Царство имеет характер всецело подчиненный и служебный. “Государство как государство не подчинено Церкви,” и потому служителям Церкви еще в апостольских правилах строго возбраняется “вдаваться в народные управления.” Не извне, но изнутри христианское государство должно быть связано Законом Божиим и церковным уставом. В представлении митрополита Филарета государство есть нравственный союз, “союз свободных нравственных существ,” и союз, обоснованный на взаимном служении и любви, — “некоторый участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отделенный по наружности, но невидимой властью сопряженный с единством всецелого”... И в начале служения обоснование власти. В христианском государе Филарет видел помазанника Божия, и перед знаменем Божия благоволения благоговейно склонялся. “Государь всю законность свою получает от церковного помазания,” т.е. в Церкви и через Церковь. Здесь Царство склоняется пред Священством и приемлет на себя обет церковного служения и послушания. И этим определяется место Государя в Церкви, его право на участие в делах церковных. Он имеет его не в порядке самодержавия и власти, но именно в порядке послушания и обета. И это право не распространяется и не переходит на органы государственного управления, и между Государем и Церковью не может и не должно быть никакого средостения и посредства. Помазуется Государь, но не государство. В Церковь входит Государь, но государство как таковое остается вне Церкви. И потому не имеет в Церкви никаких прав и полномочий. Никак и никогда не может оно быть ни источником, ни органом церковного законодательства и управления. В своем внутреннем устройении Церковь совершенно независима, и не нуждается в помощи и защите мирской власти, — “не боится алтарь падения и без сего покровительства.” Ибо Церковь управляется Самим Христом, распределяющим и осуществляющим “собственное епископство душ” чрез апостольское священноначалие, которое “не сходно ни с одним родом правления мирского.”

В Церкви есть свое собственное и неприкосновенное законодательство, сила и полномочия которого превышают всякую земную меру. “Иисус Христос не начертал для нее в слове Своем подробного и единообразного постановления, дабы царство Его не показалось сущим от мира сего”... У Церкви есть свой особый образ действия — в молитве, в служении таинств, в назидании и пастырском попечении. И для действи-

тельного воздействия на общественную жизнь, для ее действительного воцерковления, по мысли митрополита Филарета, совсем не нужно вмешательства иерархии в мирские дела, — “не столько нужно то, чтобы епископ заседал в правительственном собрании вельмож, сколько то, чтобы вельможи и благородные мужи чаще и усерднее вместе с епископом окружали алтарь Господень”... Со всею определенностью Митрополит Филарет всегда проводил твердую грань между государственным и церковными порядками. Конечно, он не требовал и не желал отделения Церкви от государства, ибо в действительности это было бы отделением государства от Церкви, его удалением от Церкви в произвол мирской суеты. Но вместе с тем всегда резко подчеркивал совершенную разнородность и особенность государства и Церкви. Церковь не может быть в государстве, и государство не должно быть в Церкви, — “единство и гармония” между ними должны осуществляться в единстве творческого осуществления заповедей Божиих.

Нетрудно понять, как далек и чужд был такой образ мыслей для государственных деятелей той эпохи, и каким детским казался он им. Филарет не верил в силу обличений и порицаний. Внешним формам жизни он не придавал большого значения, — “нужно не какое-либо преобразование, а выбор людей и надзор,” — говорил он. И прежде всего нужен внутренний творческий подъем, собиранье и обновление духовных сил. Нужно усиление творческой активности, укрепление и усиление церковной и пастырской свободы. В противовес государственному наступлению Митрополит Филарет думал о восстановлении живого единства поместного епископата, осуществляемого в постоянном совещательном общении сопастырей и епископов и закрепляемом по временам малыми съездами и соборами, пока станет внутренне возможным и осуществимым и общий поместный собор. Митрополит Филарет всегда подчеркивал, что “мы живем в Церкви воинствующей”... И с горечью сознавался, что “количество погрешностей и неосторожностей, накопленных не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления”... Филарет не был человеком борьбы, и тяготился “пребыванием в молве и попечениях града и дел человеческих.” Он жил ожиданием “того вечно безопасного града, из которого не нужно будет убегать ни в какую пустыню.” Ему хотелось удалиться, и вне мятежа дел молиться о милости и долготерпении Божиим, о “защите свыше.”

Филарет родился в тихой и глухой Коломне. Он прошел старую дореформенную школу, в которой учили по-латыни и по латинским книгам. Впрочем, в Троицкой Лаврской семинарии, в которой он учился и потом учил, этот схоластический дух был смягчен и умерен тем своеобразным воцерковленным сентиментализмом, яркая печать которого лежит между прочим на творениях Святителя Тихона⁷. В Москве его выразителем был престарелый митрополит Платон (Левшин)⁸. В Платоновой школе не только упражняли ум, но прежде всего развивали сердце и пробуждали в нем “теплое благочестие” и кроткую чувствительность. Из тихого Лаврского приюта, обвеянного благочестивою мечтательностью, новоначальным иноком иеродиакон Филарет был в 1809 г. вызван в Санкт-Петербург “для усмотрения.” И странно показалось ему в невольской столице, — “ход здешних дел весьма для меня непонятен,” — признавался он тогда же в письмах к отцу. В Синоде его встретили советами читать “Шеденберговы чудеса”⁹. И повезли его смотреть придворный фейерверк и маскарад; и здесь, буквально “среди

⁷ Имеется в виду Тихон Задонский.

⁸ Платон (в миру Петр Егорович Левшин) (1737-1812) — митрополит Московский (с 1775 г.), известный своей просветительской деятельностью (катехизисы, проповеди, первый систематический курс русской церковной истории и др.).

⁹ “Шеденберговы чудеса” — имеется в виду мистические откровения Сведенборга (Swedenborg) Эмануэля (1688-1772), шведского ученого и теософа-мистика.

шумного бала,” представили его синодальному обер-прокурору. Надолго запомнились Филарету эти первые впечатления... “Вот торопливо идет по двору какой-то небольшого роста человек, украшенный звездой и лентой, при шпаге, с трехугольной шляпой и в чем-то, плащ не плащ, в какой-то шелковой накидке сверх вышитого мундира. Вот взобрался он на хоры, где чинно расположилось духовенство. Вертяиво расхаживает он посреди членов Св. Синода, кивает им головой, пожимает им руки, мимоходом запросто молвит словцо тому или другому, — и никто не дивится ни на его наряд, ни на свободное обращение его с ними”...

“Смешон был я тогда в глазах членов Синода, — вспоминал Филарет, — так я и остался чудаком”...

“Дней Александровых прекрасное начало” было временем острого религиозно-общественного возбуждения. Это был ответ на только что пережитый период просвещенского неверия и вольнодумства. Но от западного яда и противоядие искали на том же Западе. Усилилась инославная пропаганда. Оживилась деятельность иезуитского ордена, некогда сохраненного от папского прещения рвением екатерининского правительства. Возобновились и умножились масонские ложи. И в Россию хлынул бурный поток западного мистицизма, квиетического и протестантского. Для преподавания во вновь учрежденной Петербургской Духовной академии по совету Сперанского и Лодия¹⁰ был вызван из Германии И. А. Фесслер, крупнейший из тогдашних масонских деятелей и реформатор немецкого масонства. Есть известие, что в Петербургскую ложу Фесслера входил и Сперанский, питавший будто бы мечту о преобразовании русского духовенства путем обязательного привлечения наиболее способных из него лиц в масонские организации. Впрочем, в Духовной академии Фесслер пробыл недолго, был опознан как “человек опасного образа мыслей” и удален из нее, по-видимому, за проповедь социнианских идей¹¹; Сперанский дал ему место в своей канцелярии. После Отечественной войны и с заключением Священного Союза мистическое движение получает внешнюю и государственную организацию. Его органами становится Библейское общество¹² и в особенности “двойное министерство,” Министерство духовных дел

¹⁰ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772-1839) — российский государственный деятель, граф (1839). С 1808 г. ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810). В 1812-1816 гг. в результате интриг его противников сослан, в 1819-1821 гг. генерал-губернатор Сибири, составил план административной реформы Сибири. С 1826 г. фактический глава 2-го отделения, руководил кодификацией Основных государственных законов Российской империи (1832).

Лодий Петр Дмитриевич (1764-1829) — российский философ-деист, автор “Логических наставлений...” (1815), содержащих сенсуалистическую теорию познания.

¹¹ *Социнеане* — рационалистическое направление в польской Реформации (конец XVI — первая половина XVII в.). Названо по имени одного из основателей — итальянца Ф. Социна (Socyn, Socinus, 1539-1604), переселившегося в Польшу в 1579 г. Отвергали догмат о Троице, считали Христа не Богом, а человеком, наделенным божественными свойствами, отрицали догмат о первородном грехе. Признавали авторитет Св. Писания лишь постольку, поскольку оно не противоречит разуму человека. Постановлением сейма 1658 г. социнеане были изгнаны из Речи Посполитой и эмигрировали (в Голландию). Повлияли на другие течения протестантизма.

¹² *Библейское общество* — общество, главной задачей которого является издание и распространение Библии; в 1804 г. было создано в Великобритании, в 1812-1813 гг. было учреждено в России (при прямом содействии британского общества). Хотя Российское Библейское общество поставило перед собой благородную задачу — перевести Библию с непонятного народу старославянского на русский язык, — Флоровский в целом отрицательно оценивает факт его создания, считая, что в его деятельности проявился сектантский и “эзотерический” дух (см.: *Флоровский Г.*

и народного просвещения. В учреждении “двойного министерства” мистическое мечтание скрещивалось с идеею государственного главенства, — государство опознавало свое религиозное призвание и стремилось осуществлять его само собою, в обход Церкви. В “духовном министерстве” отражалась и воплощалась идея Священного Союза: “Сей акт, — писал кн. Голицын¹³ о Св. Синоде, — нельзя не признать иначе, как предуготовлением к тому обещанному царствию Господа на земле, которое будет яко на небеси.” Священный Союз был опытом осуществить Царствие Божие в формах государственной организации и мерами мирского воздействия и власти. Духовное министерство для осуществления этой задачи и учреждалось, — для объединения всех действий в области веры и обосновании “истинного просвещения,” на началах всехристианского благочестия. Объединение достигалось отвлечением от вероисповедных и догматических различий; по выражению одного современника, все религии “поставили в ряд и распределили по отделениям и столам.” Св. Синод был фактически низведен на степень иерархического совещания при одном из департаментских отделений, — действительным главой и руководителем “синодального ведомства” оказывался министр духовных дел, — “все стихло, и дух монарха водворился в Синоде.” Это было самым прочным достижением. Падение “духовного министерства,” “сега ига египетского” над Церковью, как выражался Новгородский митрополит Серафим, удаление “слепотствующего министра,” князя Голицына, — все это несколько не изменило положения дел. Противники мистицизма продолжали дело своих врагов, продолжали осаду и пленение Церкви...

С петровских времен пастырское действие Церкви было стеснено и сковано. Не только внешними преградами и ограничениями, но еще более внутренним обессиливанием духовенства. С петровских времен духовенство было мерами власти превращено в замкнутое сословие и оттеснено в социальные низы. При таких условиях творческое бессилие пастырей Церкви вполне понятно.

Филарет был вызван в Петербург для ученых целей, для преподавания в преобразованной Академии. Ему достался тяжкий и суровый искус, — “мне должно было преподавать, что не было мною преподано,” — вспоминал он впоследствии. За короткий срок, с 1810 по 1817 г., ему пришлось прочесть почти полный курс богословских наук в самом широком объеме со включением не только библейской экзегетики и истории, но и канонического права (“богословие правительственное,” *Theologia gestrix*) и древностей церковных. Работать ему приходилось по первоисточникам, при слабом пособии инославной литературы. Плодом этой работы явились его знаменитые “Записки на книгу Бытия” (1816 г.) и “Начертание церковно-библейской истории” (1817). Устаревшие к нашему времени, обе книги знаменуют важный этап в становлении русской богословской науки. Филарету не удалось высказаться вполне, связно и систематически. Его богословское исповедание осталось незавершенным делом, — *opus imperfectum*. В лучшие и зрелые годы он мог богословствовать только по случаю, почти исключительно с церковного амвона, да еще в частных письмах. И тем не менее и по отрывкам сразу восстанавливается именно целостная система богословского созерцания, четко расчлененная по основным началам. Три основных идеи определяют богословское дело Филарета. И первое, это — пафос богословской свободы и творчества. Второе — переход в богословии на русский склад, прежде всего на русский язык; по тому времени это был трудный и важный шаг. И третье — богословствование по первоисточникам, прежде всего на библейском основании, и в духе древних отцов. Фи-

Пути русского богословия. С. 149).

¹³ Голицын Александр Николаевич (1773-1844) — князь, российский государственный деятель. С 1803 г. обер-прокурор Синода, с 1813 г. председатель Российского Библейского общества, в 1817-1824 гг. министр народного просвещения и духовных дел.

ларет был только начинателем, конечно, не совсем без предшественников. А последователями его явились, в сущности, все русские богословы прошлого века.

С особым ударением Филарет всегда подчеркивал совершенную *необходимость богословствования* как обязательной и неотъемлемой стороны целостной духовной жизни. “Христианство не есть юродство или невежество, но премудрость Божия,” об этом он постоянно упоминал; и потому верующий не должен оставаться при одних только начатках Христова учения, но должен все глубже уходить в созерцание, размышление о Боге. Филарет постоянно призывал к тому, “чтобы никакую, даже в тайне сокровенную премудрость не почитали (мы) для нас чуждою и до нас не принадлежащею, но со смирением устроили ум свой по Божественному созерцанию”... Только в постижении и разумении истины складывается и образуется “совершенный божий человек.” “*Богословие рассуждает*” — это любимое выражение Филарета; и заповедь рассуждения, заповедь богомыслия дана не немногим, но всем. И потому не может и не должно быть богословие только школьным предметом или дисциплиной, — но живым делом. Ко всей пастве своей обращал Филарет свое учительское богословское слово, призывая каждого и всех к живому усвоению догматов веры и жизни. “Есть в природе человеческой странная двоякость и противоречие направлений, — говорил он однажды, — с одной стороны, чувство нужды в Божественном и желании общения с Богом, с другой — какая-то тайная неохота заниматься Божественным и склонность убежать от собеседования с Богом... Первое из сих направлений принадлежит природе первозданной, а последнее — природе, поврежденной грехом”... Недостаточно иметь и хранить веру, — “может быть сомнение в том, точно ли ты ее имеешь и как имеешь,” — замечает Филарет. “Поскольку ты имеешь ее в Слове Божиим и в Символе веры: постольку она принадлежит Богу, Его Пророкам, Апостолам, Отцам Церкви, а еще не тебе. Когда имеешь ее в твоих мыслях и памяти, тогда начинаешь усваивать ее себе; но я еще боюсь за мою собственность, потому что твоя живая вера в мыслях, может быть, есть только еще задаток, по которому надлежит получить сокровище, т.е. живую силу веры.”

Вера во всей полноте своего догматического содержания должна стать живым началом и средоточием жизни. И потому в своем Катехизисе, в качестве начального, огласительного поучения Митрополит Филарет обращал к каждому именно краткую стяженную систему богословия, — и совсем не для пустого запоминания, а для усвоения взыскующей мыслью и всецелой душою. Он не боялся пробудить мысль, хотя хорошо знал соблазны мысли. Не об естественной мысли говорил он, но о мысли верующей и христианской, закаленной смирением, освященной молитвою, укрепленной в Слове Божиим и опыте церковном. Но при этом мысль не должна засыпать, но обновляться, окрыляться, и в познании петь Бога. Притязание самовольной мысли Митрополит Филарет постоянно обличал, обличал непризванные притязания на учительство, говорил об ответственности за взгляды и убеждения, требовал их испытания благодатными мерилami. И при всем том призывал к размышлению и познанию, ибо только в творческом делании, а не в пугливой уклончивости побеждаются и исцеляются соблазны. В этом — внутренний смысл того рвения, с которым Митрополит Филарет боролся за русский язык богословского преподавания. Он стремился сделать богословие общедоступным. Он совсем не разделял охранительной тревоги, стремившейся мертвым оплотом полупонятного, технического языка обезвредить беспокойство ищущих умов. В таком злоупотреблении охранительными и запретительными мерами он видел грех малодушия и малoverия, бездействия учительной власти. За русский язык в духовной школе приходилось именно бороться, и бороться не только с представителями государственной власти, в николаевское время опасавшимися всякого “размышления” как мятежа, но и с представителями старой богословской учености, утешавшими-

ся схоластической премудростью, — к числу их, к сожалению, принадлежали и такие крупные деятели церковной науки, как Киевский митрополит Евгений (Болховитинов), тоже старавшийся дать “обратный ход” богословской науке — к временам схоластическим. Несмотря на неоднократные и прямые запрещения и государственной, и синодальной власти, и сам Филарет, и его ученики настойчиво переходили на русский язык; и под силою этой настойчивости латынь была оставлена прежде, чем отменена. Переход на русский язык означал освобождение от рабства и тем подражательным русским системам, которые сложились все на той же мертвой латыни в XVII и XVIII веках. Это был разрыв с преданиями киевского богословия¹⁴, и он открывал путь к оживлению лучших и высших преданий, преданий отеческих времен. Так полагалось начало новому и творческому русскому богословию.

Богословие, по мысли митрополита Филарета, по существу и по методу своему должно быть “богословием толковательным,” связным целостным раскрытием учения Божественного Откровения. В основание догматического исповедания должно быть полагаемо именно Священное Писание как “слово самого Бога.” Митрополит Филарет был убежденным и последовательным библистом в богословии. К Слову Божью у него было особое благоговение, — “в каждой черте Слова Божия скрывается свет, в каждом звуке — премудрость”... Слово Божие есть живой и вечнодействующий дар Божий, некое таинство Божие. Делая среди “источников вероучения” преимущественное ударение на Писании, Митрополит Филарет не заслонял им Священного Предания, но только подчеркивал преимущественную силу богодухновенности, которая в полном собственном смысле слова усваивается только “Писанием.” Священное Предание не вводит новых истин, но “с точностью излагает” откровенные истины Писания, есть некий бесспорный комментарий к Писанию, свидетельствуемый непрерывным учительством облагодатствованного священноначалия. Истинное и святое предание, хранимое в Церкви, не есть “просто видимое и словесное предание учения, правил, чиноположения, обрядов, но с сим вместе и невидимое, действительное преподание благодати и освящения.”

Св. Писание никогда не существовало отвлеченно, оно возникло и сложилось в предначинательной Ветхозаветной Церкви как запись Божия откровения, и в ней хранилось, — в Церкви богоизбранного народа еврейского, которому, по апостольскому речению, “вверены быша словеса Божия.” Обновляемой Церкви Новозаветной во Христе дано было новое откровение, проповеданное апостолами, в ней было предано письменно, и в ней хранится. По существу своему Писание есть достояние Церкви. И поэтому Писание и Предание не могут быть разъединяемы и противопоставляемы. С одной стороны, само Писание есть закрепление первоначального Предания, неписанного Слова Божия, и свидетельствуется в своем составе и достоинстве живым ведением и признанием Церкви Новозаветной и ранее Ветхозаветной. С другой, вся сила и утверждение Предания — в непреложно хранимом Слове Божиим... То, правда, что Митрополит Филарет всегда ограничивал принцип предания, подчинял Предание Писанию. Но это ограничение относилось не к Священному Преданию, но к преданиям историческим и школьным, которым он, действительно, опасался придавать вяжущую и законоположительную силу. Но противопоставлял им Филарет не отрешенную Библию, но полноту церковной жизни, исполненной благодати и дарований Духа. Из этой полноты и должна исходить богословская мысль. С этим у Филарета связывается исторический метод богословия. Богословская система, “составительное богословие” (*theologia constitutiva*) должна начинаться “историческим богословствованием,” которое “рассматривает Слово о Боге, как оно предложено было в пророчествах, в прооб-

¹⁴ Имеется в виду традиция, заложенная в православном богословии Петром Могилкой и Киево-Могилянской академией, в которой проявилось очень сильное римско-католическое влияние.

разованиях, в церковных символах или исповеданиях веры и в писаниях св. отцов.” И этот живой материал “учительное” богословие приводит в систему. Как верно отметил в свое время Бухарев¹⁵, в представлении Филарета догматика должна стать “философией самой истины,” истины богооткровенной. И потому ни библейские или новозаветные тексты, ни исторические справки не могут иметь смысл формальных доказательств, и богословское исследование не есть “разбирательство по вероучительному своду законов Св. Писания и Св. Предания.” Богословие есть творческое исповедание живого опыта истины, явленного в Церкви, в Писании и Предании. В этом отношении Митрополит Филарет снова порывал с преданиями старой школы.

В ранние годы Митрополит Филарет обдумал и установил план богословского учения (1864 г.). В основу он полагал Писание, и на библейском основании придерживался того порядка, который дан и сохранен в древних символах, строил систему “созерцательного богословия.” Филарет не любил “холодной философии,” и в богословии руководился не отвлеченным умозрением, но созерцанием действительного порядка откровенного домостроительства Божественного. Его богословская система, при всей недосказанности и отрывочности, имеет характер и строй сотериологический и церковный. Это “богословие относительности” (*theologia relativa*), как выражался сам Филарет, т.е. богословие, исходящее из факта живого Откровения и отношения Бога к миру и человеку. Только чрез это “относительное богословие” становится возможным “богословие отрешенное,” т.е. учение о Боге в Самом Себе. Завет Бога с человеком во всей его сложной истории, от творения до искупления и чаемого прославления, — вот основная и начальная тема богословского созерцания Филарета. И с особенным вниманием он останавливался всегда именно на догмате Искупления как откровении святейшей Любви Божественной и на описании открывшейся во Христе благодатной жизни в Духе. По внутреннему своему строю богословие Филарета приближается к святоотеческому типу. И по отеческому примеру Филарет не избегал пособия внешней учености, если она усваивалась в духе благочестия и веры.

Филарету пришлось учить и действовать в трудное и туманное время, в эпоху мистического раздражения и в эпоху охранительных страхов. В пользу запретительных мер он никогда не верил, и страха перед разумом, боязни мысли всегда был чужд. “Довольно необходимости сражаться с врагами, с учениями, противными догматам, — говорил он, — какая нужда воевать против мнений, невраждебных никакому истинному догмату”... Со вниманием и с пастырским благоволением относился Митрополит Филарет ко всякому искреннему движению человеческого ума и сердца. Среди мистического водоворота Александровского времени нелегко было найтись. Под покровом мистических соблазнов Филарет сумел распознать живую религиозную потребность, жажду религиозного наставления и просвещения. Он распознал потребность русского общества в живом воцерковлении всей жизни, в каких бы уродливых подчас и превратных формах она ни проявлялась. И не обличение считал он нужным, но пастырское вразумление, проникнутое духом любви и исполняющееся положительным учительством. Об оживлении и усилении церковного учительства думал он прежде всего. Поэтому с таким вдохновением принял он участие в работе Библейского общества, хотя самая организация общества по инославному и междуисповедному началу и смущала его. Но его привлекала самая задача, самое дело; и ему казалось, что за это дело должны взяться церковные силы. “Да не отнимется хлеб чадом”... — в обновляющую силу Слова Божия Митрополит Филарет твердо верил. С библейским делом, с переводом Свящ. Писания он неразрывно связал свою судьбу. И его библейский подвиг труд-

¹⁵ Бухарев Александр Матвеевич (в монашестве архим. Феодор) (1822-1871) — русский богослов и философ, оказавший влияние на формирование “нового религиозного сознания” в философии конца XIX — начала XX века. Конфликт с церковными властями побудил его в 1863 г. сложить с себя сан. Главное сочинение — “О Православии в отношении к современности” (1860).

но оценить в должной мере. Для него лично он был связан с великими испытаниями и скорбью.

Начинавшееся богословское обновление было встречено в правящих кругах с недоверием и беспокойством. Это беспокойство внушалось не религиозными мотивами. И потому-то и раскрылось оно в мрачную политико-полицейскую интригу. Первым предметом подозрений и нападений оказалось именно Библейское общество. Нетрудно было обнажить его темные и слабые стороны. Было что-то лживое в его отношениях к Св. Синоду. Странно было изымать из ведения Синода все библейское дело и передавать его в независимую комиссию сложного вероисповедного состава, в которой пастыри Церкви заседали наряду с представителями иных исповеданий и светскими чиновниками. Мог вызывать справедливые нарекания и личный состав Общества, в котором с особенной силой действовали исповедники крайних мистических воззрений. Но не на эти действительные недостатки было направлено внимание охранителей, и не рвением о деле вдохновлялись они. Как говорил впоследствии Филарет, “восстание против Министерства духовных дел и против Библейского общества и перевода священных книг образовали люди, водимые и личными видами, которые, чтобы увлечь за собою других благонамеренных, употребляли не только изысканные и преувеличенные подозрения, но и выдумки и клеветы”... В этом “восстании” подозрительная мучительность опиралась снова на принцип государственного верховенства. Мистическое поветрие смущало и Филарета.

“Надо молить Господа, — говорил он в эти годы, — чтобы даровал нам человека с духом и силою Ильиной, ибо надобно проповедовать покаяние и суд, с любовью и терпением Христовым, ибо надобно миловать и утешать без надежды собственного утешения”... Но бороться Филарет полагал творчеством, а не запрещением, и силою церковною, а не мерами государственными. И между правдою и злоупотреблением ясно проводил грань. Иначе думали другие. И обличение недостатков Библейского общества и “двойного министерства” они обратили в поход против самого библейского дела и против богословского просвещения вообще. Главными действующими лицами этого “восстания” были Аракчеев, адмирал Шишков и архимандрит Фотий¹⁶, поддержанные слабым и неустойчивым митрополитом Серафимом. О религиозности Аракчеева вряд ли нужно говорить. Адмирал Шишков, по признанию самих его друзей и сторонников, был очень близок к социнианскому образу мыслей. Архимандрит Фотий, при всем своем искреннем аскетизме постоянно смущаемый прелестью, в богословских понятиях был нетверд, и в качестве опоры всегда ссылался на “Православное Исповедание” Петра Могилы¹⁷, которое и по строю и по содержанию менее всего могло почитаться строго православным, — это слегка смягченное побледневшее переложение с латыни. Внутренний смысл этого движения определялся, в последнем счете, именно стремлением дать “обратный ход” богословской и церковной жизни.

¹⁶ *Аракчеев Алексей Андреевич* (1769-1834) — российский государственный и военный деятель, граф (1799), генерал от артиллерии (1807). С 1808-1810 гг. военный министр, провел реорганизацию артиллерии; с 1810 г. председатель Департамента военных дел Государственного совета. В 1815-1825 гг. наиболее доверенное лицо императора Александра I, осуществлял его внутреннюю политику; организатор и главный начальник военных поселений.

Шишков Александр Васильевич (1754-1841) — русский писатель, государственный деятель, адмирал. Президент Российской академии (с 1813 г.). В 1824-1828 гг. министр народного просвещения, инициатор издания так называемого “чугунного” цензурного устава 1826 г.

¹⁷ *Могилы Петр Симеонович* (1596/97-1647) — деятель украинской культуры, церковный писатель; с 1632 г. митрополит Киевский и Галицкий. Добился у польского короля легализации Православной Церкви и передачи ей ряда униатских монастырей. В 1632 г. основал Киево-Могилянскую коллегию (позже ставшую академией). Покровительствовал писателям, художникам, книгопечатанию. “Православное исповедание” — главное сочинение Могилы, в котором заметно влияние западного богословия.

История этих смутных дел рассказывалась не раз. Немногое из нее следует повторить теперь. “Восстание” против “слепотствующего министра” привело к отрицанию надобности и даже допустимости перевода Свящ. Писания на русский язык. Может ли, внушал Государю адмирал Шишков, “мнимая надобность сия, уронив важность Св. Писаний, производить иное, как не ереси и расколы”... У Шишкова были свои доводы: он отрицал самое существование русского языка — “как будто бы некий особой,” он видел в нем только низкое и подлое, “простонародное” наречие единого славяно-русского языка. В решимости на перевод Слова Божия он видел злостное покушение, “орудие революционных замыслов,” “как же дерзнуть на перемену слов, почитаемых исшедшими из уст Божиих”... И к чему переводить? Кто будет читать эти переводы, не будут ли они валяться всюду в изодранном виде... От перевода Библии Шишков обращался и к Катехизису Филарета и к его “Запискам на книгу Бытия,” где библейские и новозаветные тексты приводились в русском “переложении.” Его смущало даже то, что Катехизис был отпечатан в большом количестве экземпляров (18000!), — он видел в этом ясное проявление какого-то преступного намерения.

Архимандрит Фотий, со своей стороны, истерически обличал “болезненное и вредное” Дело библейского перевода, — “сила перевода была такова, что догматы церковного учения явно ниспровергала или сомнение давала на истину церковного учения и преданий.” И Фотий прямо нападал на Филарета, который, по его выражению, “подвизался на богоборное сонмище” и якобы “действовал на перевод Библии с таким намерением, чтобы скорее дать новый вид Слову Божию, споспешествовать тем неверию, нововведениям и всем церковным соблазнам.” Катехизис Филарета он прямо называл “канавной водой.” Как сообщал Филарету его ученик Григорий, тогдашний ректор Петербургской Академии и много спустя митрополит Новгородский и Петербургский, о Библейском обществе говорили, “что оно учреждено для того, чтобы ввести реформацию.” Перевода Ветхого Завета и в особенности Моисеева Пятикнижия здесь боялись, чтобы как-нибудь не соблазнить на возвращение к ветхозаветному обрядовому закону, на впадение в молоканство и жидовство¹⁸ (эту мысль подал Магницкий). О Филарете в Петербурге стали “неприятно говорить,” и возникло предположение удалить его на Кавказ, в грузинские экзархи¹⁹...

В эти годы Филарет был в Москве и не считался с петербургскими толками и “Александровской политикой.” По-прежнему прямо и открыто защищал он библейское дело и доказывал, что “самое желание читать священные книги есть уже залог нравственного улучшения.” На предполагаемый вопрос, для чего сие новое заведение, в деле столь древнем и не подлежащем изменению, как христианство и Библия, Филарет отвечал: “Для чего сие новое заведение? Но что здесь новое? догматы? правила жизни? Но Библейское общество не проповедует никаких, а дает в руки желающих книгу, из которой всегда истинною Церковью были почерпаемы и ныне почерпаются и православные догматы и чистые правила жизни. Новое общество? Но сие не вносит никакой новости в христианство, не производит ни малейшего изменения в Церкви”... Спросят: “для чего сие заведение иностранного происхождения?” Но, отвечал Филарет, сколь

¹⁸ *Молокане* — одна из сект духовных христиан. Возникла в России во второй половине XVIII в.; отвергают священников и церкви, совершают моления в обычных домах; общинами руководят старцы и выборные пресвитеры; до 1905 г. подвергались преследованиям правительства.

Жидовство — ересь “жидовствующих” захватила в конце XV в. в Новгороде верхи клира, а затем перекинулась на Москву; еретики отдавали предпочтение Ветхому Завету и на основании его изучения отрицали догмат о троичности Бога.

¹⁹ *Экзархат* (от греч. *ἐξάρχος* — глава, начальник) — в православных церквах церковный округ, иногда объединяющий несколько епархий, пользующийся определенной самостоятельностью; современная Русская Православная Церковь имеет экзархат в Западной Европе, Средней Европе, Центральной и Южной Америке, на Украине.

многое у нас “не только иностранного происхождения, но и совершенно иностранное”...

Мнимым ревнителям удалось добиться запрещения Филаретова Катехизиса, под тем предлогом, что в нем “молитвы” — Символ веры и Заповеди — изложены по-русски. Русский перевод Нового Завета не был воспрещен, но библейский перевод был остановлен; и, как вспоминал впоследствии “с глубокою скорбью и ужасом” Киевский митрополит Филарет, из опасения совращений в иудейство “нашли нужным предать огню на кирпичных заводах несколько тысяч экземпляров пяти книг святого пророка Моисея, переведенных на русское наречие в СПб Духовной академии и напечатанных Библейским обществом.” На эти действия, совершенные в обход Св. Синода в порядке административного пресечения и устрожения, резко и скорбно отозвался Митрополит Филарет. “Не знаю, о чем идет дело, но не представляется иной догадки, как что дело идет о Православии. Непонятно, кем и как, и почему приведено ныне в сомнение дело, столь чисто и совершенно утвержденное всем, что есть священного на земли. Не великая была бы забота, если бы сомнение угрожало только личности человека, бывшего орудием сего дела; но не угрожает ли оно Иерархии? Не угрожает ли Церкви? Если сомнительно Православие Катехизиса, столь торжественно утвержденного Святейшим Синодом, то не сомнительно ли будет Православие самого Святейшего Синода? Допущение сего сомнения не потрясет ли Иерархии до основания, не возмутит ли мира Церкви? Не произведет ли тяжкого церковного соблазна?” Митрополит Серафим успокаивал Филарета, говоря, что о Православии нет и речи, что все сводится к языку, но отказывался “удовлетворительно отвечать,” “почему русский язык не должен иметь места в Катехизисе, а наипаче кратком, который предназначен для малых детей, не знакомых вовсе с славянским языком, а потому неспособных понимать истин веры, которые им излагаются на языке сем”... Запрещение с Катехизиса (в 1828 г.) было снято только тогда, когда все тексты были вставлены по-славянски и был выпущен русский перевод Символа, Молитвы Господней и Заповедей. Митрополит Филарет был тяжело потрясен этими событиями. “Дым ест глаза, — писал он своему викарию, — а они говорят: как едок солнечный свет! Задыхаются от дыма и с трудом выговаривают: как вредна вода из источника жизни! Блажен, кто может не только возводить очи свои в горы, но и вовсе бежать туда на чистый воздух, к живой воде!.. Блажен, кто может сидеть в своем углу, оплакивать свои грехи, молиться за Государя и за Церковь, а не имеет нужды участием в общественных делах приобщаться чужим грехам и умножать свои грехи!” Всего более Филарета тревожила недодуманная поспешность и вмешательство мирских лиц, “людей, не призванных ни Богом, ни начальством,” и восстающих в дерзком самомнении против поставленных учителей.

Прошли года, и переменились люди. Но тревоги не улеглись. Новый обер-прокурор, С. Д. Нечаев, из старинных московских масонов, держал себя в Синоде, как министр в “Духовном департаменте.” К этому времени относится проект церковного преобразования, который Митрополит Филарет характеризует как попытку “учредить над Церковью какую-то протестантскую консисторию из духовных и светских лиц.” Этот проект не удался. “Вдруг ни с того, ни с сего, — рассказывает Измайлов, тогда синодальный чиновник и впоследствии прокурор Грузино-Имеретинской Синодальной Канцелярии, — появились жандармские доносы на архиереев и членов Св. Синода. Доносы оказывались большею частью ложными; архиереи оправдывались, сколько могли, но Синод сильно беспокоился и подозревал, что в доносах участвует сам обер-прокурор, задавшийся целью унижить духовное правительство.” Нечаева в 1836 г. сменил граф Протасов²⁰. Воспитанник иезуитов, окруженный помощниками и советниками из

²⁰ Протасов Николай Александрович (1795-1855) — генерал-адъютант, граф, с 1836 г. — обер-прокурор Св. Синода.

питомцев Полоцкой униатской коллегии, Протасов в своей деятельности явился выразителем какого-то своеобразного бюрократического латинизма, в котором католические симпатии странно сочетались с общим охранительным духом времени. Протасов откровенно задавался целями церковного преобразования. Все прошлое он притязательно заподозривал в неправославии и протестантизме. И, вспоминая слова Златоуста “доброе неведение лучше худого знания,” на основании “неведения” стремился преобразовать прежде всего духовную школу. Изгнать вовсе философию как “нечестивую, безбожную, мятежную науку” не удалось, но часы преподавания были сокращены. Св. Писание было взято под подозрение, еврейский язык казался символом неверия, и самое слово “герменевтика” казалось неприличным, как упоминающее о Гермесе, боге воровства... В преподавании богословия по предначертаниям Протасова должно было вернуться к старой киевской системе; в качестве катехизического образца указывалось “Православное Вероисповедание,” которое в 1836 г. и было введено в семинарии в качестве особого предмета преподавания. Кроме Могилы, указывались еще “Камень Веры” (почти целиком переложенный из Беллермина и Бекана) и творения св. Димитрия Ростовского²¹, выписками из которых тщились заменить систему богословия.

Преобразование духовной школы было проведено почти помимо Синода, в порядке обер-прокурорского доклада Государю. К Синоду Протасов относился самовластно и насильственно, — синодальные собрания свелись к пустой декорации. “Светские то войдут в присутствие, то выйдут, прогуливаются, как на бульваре, и изредка заводят с нами речи, и почти всегда о пустяках,” — так рассказывал присутствовавший тогда в Синоде Подольский архиепископ Кирилл. Только митрополиту Филарету было по силам останавливать это своеволие “бритых раскольников,” и его присутствие в Синоде тяготило любившего первенство обер-прокурора. В 1842 г. удалось от него освободиться, и снова по поводу библейских дел. По анонимному доносу было поднято дело о распространении в непроверенном виде литографированного перевода пророческих книг Ветхого Завета, сделанного студентами Петербургской академии на основании лекций протоиерея о. Г. Павского. Перевод с еврейского был снабжен неудачными и сомнительными примечаниями к мессианским местам. Если и слишком сильно назвать это “нечестивым,” то, без сомнения, серьезных возражений он требовал. Но в его распространении был снова усмотрен преступно-мятежный умысел, было наряжено шумное следствие, разосланы грозные запросы с розыском по всей России. Митрополит Филарет полагал, что в удовлетворение бесспорной потребности в русской Библии, засвидетельствованной появлением “незаконного” перевода, подлежит возобновить открыто переводческое дело, под высшим смотрением Св. Синода. Он даже ограничивал свои пожелания на первое время, и предлагал сделать сперва новое издание славянской Библии с надписанием глав, с приложением словаря неудобовразумительных слов и “предохранительных толкований” на трудные места; и вместе с тем издавать толкование на библейские книги, начиная с пророческих, на основании отеческих толкований. Это предположение вызвало резкое противодействие Протасова, которому удалось склонить совсем одряхлевшего митрополита Серафима подписать составленное в обер-прокурорской канцелярии мнение о том, “чтобы никто ни под каким видом и предлогом не отваживался посягать на переложение Священного Писания,” врученного Богом “не народу,” а сословию пастырей и учителей, и распространение которого в народном употреблении угрожает “воспитанием обольстительного и вместе и губительного чувства независимости от Церкви и ниспровержением коренных начал”

²¹ *Димитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало)* (1651-1709) — митрополит ростовский, писатель. Поддерживал реформы Петра I с условием невмешательства государства в церковные дела. Составил новую редакцию “Четий–Миней”, автор пьес (“Рождественская драма”, 1702) и антираскольнических сочинений. Канонизирован Русской Православной Церковью.

Православия. Митрополит Серафим полагал, что даже составление свода отеческих толкований было бы “излишне и опасно,” т. к. “ослабило бы” благоговение, питаемое православными к святым отцам, и предметы веры сделало предметами одного холодного исследования, “будто слово Божие имеет нужду в человеческом оправдании, и народ может быть судьей в делах веры.”

Несмотря на серьезные возражения митрополита Филарета, усмотревшего здесь дух “латинства,” мнение митрополита Серафима получило чрез обер-прокурора Высочайшее утверждение, и было издано Высочайшее повеление об “охранении книг Св. Писания в настоящем их виде неприкосновенно.” Митрополит Филарет откровенно выразил свое негодование по этому поводу: “так дела вести нельзя и опасно,” “я страшусь за последствия подобных действий, которых не желалось бы, и от которых избавить силен, всеконечно, Един токмо Верховный Кормчий Своей Святой Церкви — Господь Иисус Христос”... С этого времени Филарет уже не вызывался для присутствия в Синоде. В Москве он жил под подозрением и опалой. И при отсылке оставленных им в Петербурге вещей было сделано, как он сам выражался, “тайное изыскание, не заперты ли в сундуках ереси”... Протасов предполагал объявить славянский текст Библии не только неприкосновенным, но и “самодостаточным,” наподобие латинской Вульгаты, и воспретить чтение Св. Писания мирянам. “Откуда являются такие люди, и что у них за цель, — писал митрополиту Филарету Григорий, тогда архиепископ Тверской. — Одна мысль о запрещении чтения Св. Писания простым христианам приводит меня в страх. Не могу постигнуть, откуда происходит такое мнение. Не есть ли оно изобретение всегда скрытно действующих актов латинства? Или это мнение есть порождение умножающегося в наше время вольнодумства, дабы потом, как оно прежде поступало с духовенством западной Церкви, смеяться над нами?” Это мнение угрожает расколом с церковной древностью и ее твердым убеждением “в общей обязанности читать Св. Писание,” — конечно, “со всевозможным приготовлением и с надлежащим руководством.”

Только в новую Александровскую эпоху митрополиту Филарету удалось снова поднять вопрос о переводе Св. Писания, и снова встретилось возражение и препятствие — со стороны нового обер-прокурора, графа А. П. Толстого²², и со стороны Киевского митрополита Филарета²³. Доводы приводились прежние. И только после кончины Киевского митрополита в 1858 г. состоялось синодальное определение и Высочайшее повеление о русском переводе Библии. Перевод был распределен между Духовными Академиями, и после синодального просмотра пересматривался митрополитом Филаретом. В 1860 г. вышло Четвероевангелие, в 1862 г. полный Новый Завет. Издание Ветхого Завета началось уже после кончины Филарета, с 1868 г. И тогда увидели свет и прежде запретные опыты перевода протоиерея Павского и архимандрита Макария (Глухарева)²⁴. Борьба за русскую Библию была борьбою за свободу православной мысли и за свободу благочестивого любомудрия. И это великое дело Филарета Московского.

Из туманной исторической дали образ митрополита Филарета выступает пред нами в пророческих очертаниях. И снова оживают тревожные призраки давних лет. Много и многое с тех пор переменялось, но старые соблазны не погасли. В новых и не менее жутких формах нависает над Церковью опасность мирского засилья, руко-

²² Толстой Александр Петрович (1801-1874) — граф, генерал-лейтенант, губернатор Тверской, обер-прокурор Св. Синода (1856-1862).

²³ Митрополит Киевский Филарет — в миру Федор Георгиевич Амфитеатров (1779-1857).

²⁴ Макарий (в миру Михаил Яковлевич Глухарев) (1792-1847) — русский православный монах, миссионер. В 1830-1843 гг. в миссии на Алтае перевел на алтайские языки библейские и богослужебные тексты. Перевел также на русский язык с древнееврейского Ветхий Завет (опубликован в 1860-1867 гг.).

водствуемого рвением не по разуму и не по вере. И снова приходится задумываться о правых путях воцерковления мира, того подлинного воцерковления, которое дает миру мир и благоволение, а не того мнимого, которое и в Церковь вносит мирские соблазны и раздоры. Вновь подозрительная и мнительная немощь покушается на свободу верующей мысли, и в торопливом произволе стремится подавить ее творческие движения, и дать “обратный ход” к прежним временам двусмысленного молчания. Предчувствованные Филаретом соблазны становятся еще острее, чем в его время. Суд открылся еще более. И в этот час, лукавый и судный, Филаретов заветы могут быть источником вдохновения и ободрения. Они не устарели, но вновь юнеют, ибо сильны тем вечным пламенем веры, которым горела его скорбная и твердая душа.

19. XI-2. XII. 1927 Meudon